

Научная статья /
Research Article

УДК 821.512.31.0
ББК 83.3(=64)

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

© 2021 г. Е.Е. Балданмаксарова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 03 июля 2019 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 февраля 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-320-337>

Аннотация: Статья посвящена исследованию генезиса, истока бурятской литературы.

Обращение к данной научной проблеме призвано воссоздать целостную картину истории бурятской литературы, выстроить ее концепцию в культурно-философском контексте истории монгольских народов. Не секрет, что исток бурятской литературы тесно связан с художественным творчеством, теоретико-литературными изысканиями первых бурят-монгольских ученых и литераторов из числа буддийского духовенства. Поиск и вовлечение в научный оборот литературных произведений, написанных в XVIII — начале XX вв., их изучение является одной из актуальнейших исследовательских задач, отличающихся явной новизной и перспективой в современном бурятском и монгольском литературоведении, шире — в гуманитарной науке. Формирование и становление бурятской литературы, несомненно, тесно связано с распространением буддийской культуры, буддийского видения мира, поэтому рассматривается в контексте буддийской эстетической мысли. Особое внимание уделяется литературному процессу монгольских народов, отличительной особенностью которого, начиная с XIII в., является развитие в контексте многосторонних литературных связей и контактов. В этой связи рассмотрены характерные для литературы того времени жанры: путешествия, жития, гимны, поучения и др.

Ключевые слова: бурятская литература, генезис, жанры, буддийская философия, ученые и литераторы из числа ламства, индо-тибето-монгольский культурный ареал.

Информация об авторе: Елизавета Ешиевна Балданмаксарова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

E-mail: liza.bur@mail.ru

Для цитирования: Балданмаксарова Е.Е. Особенности раннего периода развития бурят-монгольской литературы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 320–337. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-320-337>

¹ Бурят-Монгольская АССР Указом Президиума Верховного Совета СССР переименована в Бурятскую АССР 7 июля 1958 г. Соответственно, для раннего периода характерно название «бурят-монгольская литература».

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 1, 2021

THE EARLY STAGE OF BURYAT-MONGOL LITERATURE

© 2021. Elizaveta E. Baldanmaksarova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: July 03, 2019

Approved after reviewing: February 17, 2020

Date of publication: March 25, 2021

Abstract: The article examines the genesis of Buryat literature, which is key to the modern literary studies of Buryatia. Its aim is to recreate the history of Buryat literature and place it in the cultural and philosophical context of the history of Mongolian ethnoses. It is well known that the genesis of Buryat literature owes to the literary work as well as to the theoretical and literary research of the first Buryat scholars and writers from among the Buddhist clergy. The search, introduction, and study of literary works written by Buryat authors in the 18th – early 20th centuries is one of the relevant research tasks that opens new perspectives for modern Buryat literary criticism and for humanities in general. The emergence and development of Buryat literature is closely connected with the spread of Buddhist culture, the Buddhist vision of the world, therefore it should be studied in the context of Buddhist aesthetic thought. The article pays special attention to the literary history of Mongolians that, since the 13th century, has been developing in the context of multilateral literary ties and contacts. It examines the following typical genres: travelogue, hagiographic, hymn poetry, *subhashita*, and poem.

Keywords: Buryat literature, genesis, genres, Buddhist philosophy, scholars and writers among the Lamas, Indo-Tibeto-Mongolian cultural area.

Information about the author: Elizaveta E. Baldanmaksarova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

E-mail: liza.bur@mail.ru

For citation: Baldanmaksarova, E.E. "The Early Stage of Buryat-Mongol Literature." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 1, 2021, pp. 320–337. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-320-337>

Изучение бурят-монгольской литературы (второй половины XVIII в. — 30-е гг. XX в.) относится к фундаментальной задаче современного литературоведения Бурятии. Безусловная сложность данной темы заключается в том, что диапазон проблем, положенных в основу, а именно: воздействие философского, эстетического наследия буддизма на художественную словесность, генезис жанров, их становление и развитие, трансформация в переходные периоды, определение места в литературном процессе, взаимовлияния и взаимосвязи, — еще слабо изучены в современном бурятском литературоведении. Более того, многие художественные произведения, историко-литературные материалы, тексты эстетико-философского содержания данного периода не вовлечены в научный оборот. Данное обстоятельство осложняется тем, что необходимы выявление, научный учет, описание и создание определенного реестра найденных текстов, а также перевод их на современный бурятский и русский языки, литературоведческая интерпретация, научный комментарий, в итоге позволяющие выйти на уровень аналитического исследования.

Оптимальное воссоздание полной картины степени сохранности письменного наследия бурят, имеющего художественную ценность, предполагает вовлечение материалов не только государственных архивов и библиотек, но и дацанских (монастырских) книгохранилищ, а также тех текстов, рукописных и изданных ксилографическим способом, которые были сохранены частными лицами, владеющими классической монгольской (сейчас — старомонгольской) письменностью, которую использовали вплоть до 1938 г. Как показала поисковая работа в районах Республики Бурятия, существующая в народе многовековая традиция почитания и бережного от-

ношения к текстам, написанным на классическом монгольском и тибетском языках, позволила сохранить наиболее яркие и ценные в художественном плане произведения. Яркими примерами этого являются художественные произведения в жанре путешествий / хождений (*замай тэмдэглэл*), жития (*намтара*), поучений (*субхашинты*), восхвалений, од, гимнов (*магтала*), комментариев (*тайлбури*), которые традиционно писались в стихотворной форме, а также в жанре малой формы: трехстиший, пятистиший и поэмы.

Известно, что литература общемонгольского периода возникла в первой половине XIII в., почти в одно время с образованием Великого Монгольского государства. Сегодня, признавая непрерывность общемонгольской художественной традиции, необходимо отметить, что начиная с XVII в. появляются разные центробежные силы и общие пути стали расходиться. Литература халха-монголов и ойрат-монголов, начиная с XVII в., а бурят-монголов с XVIII в. стала развиваться по собственному, отличному от других пути.

Присоединение бурят к Российскому государству началось с середины XVII в.², и в это же время получает распространение буддийское учение как культурно-историческое, этико-философское явление. Будучи официально признанным Указом императрицы Елизаветы Петровны в 1741 г. [5, с. 17], буддизм явился духовным основанием объединения бурятских родов и племен в единый этнос. Вплоть до середины 30-х гг. XX в. центром образования выступали буддийские храмы (*дацаны*), где была сосредоточена литературная и издательская деятельность. Именно бурятское духовенство, получившее образование в Тибете и Монголии, способствовало трансформации родоплеменной морали бурят в буддийскую картину мира с его этикой срединного пути, а самобытную культуру народа обогатили письменной высокорефлексивной эстетико-философской традицией в контексте индо-тибето-монгольской буддийской культуры. Формирование и становление бурят-монгольской литературы данного периода, несомненно, тесно связано с распространением буддийской культуры, буддийского видения мира и с литературной деятельностью буддийских лам.

2 Буряты с созданием Монгольской империи (начало XIII в.) входили в ее часть под территориальным названием «Северная Монголия» (*Ара Монгол*). Во второй половине XVII в. в Восточной Сибири появились первые русские служилые люди. Кяхтинским договором от 14 июня 1728 г. была установлена граница между Бурят-Монголией как частью России и Монголией как частью маньчжурского Китая.

Безусловно, одним из первых произведений, заложившим основу бурят-монгольской литературы³, по праву считается произведение Дамба-Даржа Заяева (1702–1776) «О дальних и близких местах» (1768) в жанре путешествия, или, как их в то время называли, средневекового паломничества (хожения / хождения). Впервые это произведение было включено в 1900 г. русским ученым-монголоведом А.М. Позднеевым в «Монгольскую хрестоматию для первоначального преподавания», изданную в Санкт-Петербурге [12, с. 29–37] на языке оригинала, т. е. на классическом монгольском языке, именуемом в настоящее время в РФ и Монголии «вертикальный старомонгольский письменный язык». Сегодня мы с сожалением констатируем вслед за А.Г. Сазыкиным [13, с. 119], что оригинальная авторская рукопись, которая была использована А.М. Позднеевым при его издании, до сих пор не найдена, хотя копии текста на языке оригинала сохранились в нескольких списках. К счастью, надо отметить, сохранился перевод на русский язык. Впервые данный текст на кириллице в переводе Василия Игумнова, выполненном им в марте 1771 г., обнаружил А.Г. Сазыкин в фондах Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР, причем в форме двух аналогичных списков и ввел их в научный оборот [13, с. 121–124]. Эти же два списка были приведены также Ю.В. Болтач [3, с. 220–226].

По предположению Сазыкина именно этот вариант перевода рукописи был представлен Д.-Д. Заяевым⁴ Екатерине II в 1768 г., хотя путешествие Заяева было предпринято в 1734–1741 гг. Известно, что данное произведение было написано по просьбе императрицы Елизаветы Петровны и оно, безусловно, «свидетельствует о заинтересованности российских правящих кругов в получении от первых рук точной информации об этой стране [Тибете. — *Е.Б.*], а затрагиваемые Д.-Д. Заяевым темы четко очерчивают круг вопросов, интересовавших российских политиков. И, наконец, этот документ может служить косвенным источником по биографии I Пандито Хамбо-ламы и истории буддизма в Бурятии» [3, с. 219].

3 Термином «бурят-монгольская литература» пользовались до середины 1958 г., вплоть до переименования Бурят-Монгольской АССР в Бурятскую АССР.

4 Д.-Д. Заяев был избран делегатом на основании Манифеста от 14 декабря 1766 г. «Комиссии об Уложении 1767 г.», созданной по инициативе Екатерины II для составления нового религиозного уложения для последователей религии в России. Во время пребывания в Петербурге, согласно летописи «История селенгинских монгол-бурят» Д.-Ж. Ломбоцыренова, Д.-Д. Заяев был награжден Андреевским орденом (см. об этом: [7, с. 112]).

Буряты предпринимали путешествия в восточные страны с целью принятия посвящений и совершенствования в пяти буддийских науках, и поэтому их описания, с одной стороны, были связаны с посещением буддийских святых мест Монголии, Внутренней Монголии Китая, Тибета, Непала. С другой стороны, в связи с расширением политических, культурно-исторических, научных интересов России во второй половине XIX в. в Центральную Азию снаряжались научные экспедиции русских путешественников. Они, учитывая, что буряты хорошо знают наречия и языки, традиции и обычаи, географические особенности местностей, охотно приглашали их в свои отряды. Так, например, сохранились записи бурятского автора, к сожалению, анонимного, — «Журнал подробных записей встреченного и увиденного в пути, начиная от Табтаны в южном направлении с первого дня недели седьмого числа летнего месяца по монгольскому календарю 1894 года». Возрос интерес к устным и письменным сведениям о странах Центральной Азии, Тибета со стороны монголоведной науки. Восточный факультет Императорского Санкт-Петербургского университета начал сбор рукописей письменных источников. В частности, туда поступил в 1898 г. текст в жанре хождений нештатного ламы Болтумурского дацана Мижид-Доржи, который изучил и перевел на русский язык студент этого университета Гомбожап Цыбиков. Интересен сохранившийся текст В. Юмсунова «Путешествие в столичный город Санкт-Петербург главного тайши хоринских одиннадцати родов Цэдуба Бадмаева и главы восточно-хуацайского рода, шуленги Цэдэндоржи Аюшиева на III Международный съезд ориенталистов в 1876 г.».

Закрытый в то время для европейцев главный центр буддизма Азии — Тибет — вызывал особый интерес у востоковедов. В 1899 г. по научной программе Русского географического общества с исследовательской целью выезжает в Тибет выпускник Санкт-Петербургского университета Гомбожап Цыбиков как простой бурят-паломник. Данная экспедиция удалась и успешно завершилась изданием книги «Буддист паломник у святынь Тибета» (в 2 т.), которая была высоко оценена русской и мировой востоковедной наукой. Данную фундаментальную научную работу Г.Ц. Цыбикова трудно, конечно, отнести к жанру литературных путешествий, но все же необходимо констатировать, что ее появление стало возможным именно на основе данного жанра.

Жанр путешествий, ставший наиболее популярным в монгольском мире, начиная с XVIII столетия — это жанр, по преимуществу, тесно связанный с биографией автора и подверженный непосредственному влиянию реально-исторических событий и различных внелитературных элементов, обстоятельств жизни: перечисляются города и населенные пункты, отмечаются особо зрелищные объекты для конкретных местностей. Характерной особенностью произведений данного жанра в ранний период формирования бурят-монгольской литературы является выраженное стремление авторов как можно точнее описать увиденное и прочувствованное, свидетелем или участником которых он был. Поэтому для данного жанра присущ очерковый стиль, и соответственно в основе его заложены простота / незамысловатость, объективность / правдивость и сдержанность / беспристрастность в передаче как собственных чувств, так и в целом в изложении восприятия окружающего мира.

Обращение к генезису жанра путешествий позволяет нам выделить его сущностную природу, которая может быть выражена в форме антиномией «жизнь — смерть». Путешествие, как выражение одной из форм жизни, проявляет себя в зарождающейся бурят-монгольской литературе довольно разнообразно в зависимости от литературной или политической ситуации эпохи, от цели и задач автора, от его мировоззренческих и иных взглядов и т. д., в частности, как определенный литературный прием, условно объединяющий различные жизненные ситуации, встречающиеся на пути странствий. В первых произведениях бурятских авторов в жанре хождений заметна установка на достоверное, более того, документально-объективное описание той или иной местности, особенностей ее природного ландшафта, памятников культуры, населения, их образа жизни, обычаев, настроения и т. п. Однако заметна зарождающаяся тенденция к развернутому художественному рассказу с использованием разнообразных художественно-изобразительных средств, хотя степень и качество мастерства изложения различны у каждого из авторов. Детализация предметов, особенностей объектов, архитектурных памятников, описание возникающих необычных дорожных ситуаций ориентированы на то, чтобы вызвать определенные эмоциональные чувства у читателей, вовлечь их в описываемые художественные картины.

Как характерную особенность жанра путешествий в бурят-монгольской литературе начального периода можно отметить метафоризацию по-

нения пути: путь как путешествие в пространстве, путь как дорога познания. В этом плане можно уловить некоторую созвучность с фольклорными произведениями, которые, возможно, выступали как образец, как пример. Человек / путешественник, выходя из своего замкнутого пространства в «большой мир», «чужой» для него, естественно, остается представителем «своего» мира. Именно в силу этого он невольно сравнивает, сопоставляет *свой* привычный, знакомый мир с иным, незнакомым, *чужим* миром. Поэтому любое путешествие связано с преодолением не только внешних (природных, государственных границ и др.), но и внутренних, присущих человеку (языковых, психологических, мировоззренческих и др.) преград и барьеров. В ходе путешествия, как видно из текста Д.-Д. Заяева, человек меняется: вначале он в роли наблюдателя; со временем, впитывая новые впечатления, их осмысливая и анализируя, он набирается новых знаний, опыта. И тогда соотношение «внешнего — внутреннего» в ходе странствий меняется, может измениться взгляд на «свой» мир. Представления о «своем» мире могут у него либо укорениться, либо быть опровергнуты, подвергнуты сомнению, что в принципе, на мой взгляд, естественно.

Думается, не случайно А.М. Позднеев, классифицируя вводимые им произведения в хрестоматию, *первые произведения* в жанре путешествия относит «в отдел “описательных” произведений как наиболее простейших и удобопонятнейших». И при этом он прозорливо подмечает, что «рассматриваемый отдел литературы развивается под влиянием книжного образования, отсюда и язык его всегда бывает более искусственным». Действительно, невозможно не согласиться с дальнейшим утверждением Позднеева о том, что «древнейшие памятники их письменности решительно не знают описательных произведений, более того, описательные сюжеты чужды народной жизни и страны. Они появляются лишь с развитием образованных классов лам, князей и чиновничества, которые описывают или Китай, или важнейшие святыни буддизма, словом то, что, по их понятиям, представляет больше богатства, разнообразия и интереса для литературных произведений» [12, с. 7–8]. Как образец описательного слога Позднеев ссылается на изданную как раз в то время биографию Чжанцзя-хутухты, где даны описания Пекина и Жэ-хо с картинами городских улиц, площадей, дворцов, парков, озер, уличных базаров, различных сцен, в которых отражены взгляды автора.

К произведениям более высокого порядка в жанре путешествия А. Позднеев относит путешествие Джебцзун-Дамба-хутухты⁵ в Эрдэни-цзу⁶, изложенное в форме дневника, и вышеназванное произведение бурятского первого Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева. При этом отмечает, что данное произведение представляет собой «систематическое описание пройденных местностей, изложенное без разделения по дням, а отдельными очерками стран», а также совершенно справедливо отмечает, что в нем «живо отражается характер автора, со всеми его личными взглядами на вещи и направлением их мышления» [12, с. 7–8]. Для нас крайне важным является информация Позднеева о том, что данный жанр в бурят-монгольской литературе был весьма распространенным. Причем интересно, что он выделяет два вида подобных произведений, всегда представляющих, с одной стороны, триумфальное шествие великих мужей (сказания о путешествиях Цонкапы, пятого Далай-ламы, Зая-пандиты и др.), а с другой — описания городов и буддийских святынь скромными пилигримами (еще не изданное путешествие в Тибет бурятского ламы Лобсан-чжаба, калмыцкого База-бакши⁷) [12, с. 7–8].

Сегодня с сожалением можем констатировать, что до сих пор произведение бурятского книжника Лобсан-чжаба не найдено и, соответственно, не введено в научный оборот. С некоторой натяжкой к данному жанру можно отнести путешествие из Монголии в Забайкалье, представляющее рассказ о том, как шла перекочевка, где действительные, реальные события переплетаются с вымышленными, превосходно отражая быт, обычаи, традиции, в целом мировоззрение народа.

Для хождений, как литературного жанра средневекового периода, написанных на классическом монгольском письменном языке, понятном для всех монгольских родов и племен, характерны свой предмет и структура повествования, языковое своеобразие и особый тип повествователя,

5 Джебцзун-Дамба-хутухта (бурят-монг. *хутагта* — святой), или VIII Богдо-гэгэн (бурят-монг. *гэгэн* — просветленный, святой), оба титула «*хутагта*», «*гэгэн*» давали только перерожденцам (1870–1924) — религиозный деятель, глава теократического правительства Монголии в период ее автономии с 1911 по 1924 гг. Тибетец по национальности, он был определен как перерожденец VII Богдо-гэгэна, и в 1875 г. был привезен с большими почестями в Монголию, где прожил до своей кончины.

6 Эрдэни-цзу — название буддийского храма в Монголии.

7 Отметим, что текст База-бакши был издан: [14].

который зачастую был выходцем из среды буддийских монахов. В недрах жанра хождений шло накопление художественности, процесс приближения к жанру рассказа, присущий художественной литературе нового времени.

Жанр «жития» (*намтара*⁸), как и жанр хождений, пользовался особой популярностью. Не случайно именно с них, с этих жанров, начиная с XVIII в. берет свое начало бурят-монгольская литература. Эти жанры в дальнейшем получили свое развитие в творчестве Галсан-Жимба Дылгирова (1816–1872)⁹, Лубсан-Доржи Данжинова¹⁰, Агвана Доржиева (1854–1938), Агвана Нимы (1907–1990) и др.

Пожалуй, жития (*намтары*), пользовавшиеся особой популярностью в народе, — один из самых распространенных и любимых в средневековой тибето-монгольской литературе жанров. С санскрита на тибетский, а после и на старомонгольский были переведены «Жизнь Будды»¹¹, «Жития восьмидесяти четырех сиддхов»¹², «Житие Атиши, называемое «Источник Дхармы достоинств»¹³, «Жизнеописание Богдо Цзонхавы (1357–1419)»¹⁴, которые явились образцом при сочинении текстов в жанре намтаров на бурят-монгольской почве. Данный жанр тибетской (начало XVI в.) и бу-

8 *Намтар* (тибет. *nam thar*, букв. *полное освобождение*) — агиографический жанр, возникший в Тибете и воспринятый сначала без перевода в литературе монгольских народов. Переводы на старомонгольский язык были начаты в XVII в.

9 Второй настоятель (*иэрээтэ*) Цугольского дацана, богослов Галсан-Жимба Дылгиров написал на тибетском языке автобиографию «Достоверное личное изложение моих деяний» (*Rang sphyud rang gsal rang gi thams yig*). Она была издана в 1998 г. в переводе на современный монгольский язык под названием «Биография Д. Галсанжимбы, автора и переводчика» (Бичгийн их хун дуун хөрвүүлэгч Д. Галсанжимбийн намтар). А на бурятском языке — в 2001 г. в переводе Д.Д. Дарижаповой, второй исправленный ею текст был опубликован в журнале «Байкал» (Байгал) в 2015 г., № 1–3.

10 Лубсан-Доржи Данжинов — седьмой настоятель Агинского храма (*дацана*) Забайкалья с 1878 по 1901 гг., известен как переводчик и издатель книг на бурят-монгольском языке. Перевел биографии высокочтимых в монгольском мире буддийских деятелей, издавал монгольские буквари, грамматики, собрания джатак, песни Миларепы, автор цикла книг по этике, изданного в 1892 г.

11 Цаннид Хамбо-лама Агван Доржиев составил на старомонгольском жизнеописание Всемогущего Бхагавана Будды под названием «Свет солнца, раскрывающий лотос веры» (Библиотека Иволгинского дацана).

12 Переведен с тибетского на старомонгольский соржо-ламой Агинского дацана Галсан Данзаном.

13 Переведен на старомонгольский язык настоятелем Цугольского дацана Галсан-Жимба Дылгировым.

14 Седьмой Пандито Хамбо-лама Чойроп Ванчиков сочинил стихотворное благопожелание к изданию «Жизнеописание Богдо Цзонхавы» на старомонгольском языке.

рлят-монгольской литератур (XVIII в.) берет свое начало от жития индийских махасиддхов (великих совершенных) Нагарджуны (II — нач. III в.)¹⁵, Падмасамбхавы (VIII в.)¹⁶, Тилопы¹⁷ и его ученика Наропы (1016–1100)¹⁸, знаменитых тибетцев: Марпы-лоцзавы (1012–1097)¹⁹, поэта и монаха-йогина Миларепы (1040–1123)²⁰ и др. Помимо житий, писались биографические сборники, например, широко известно жизнеописание пятого Далай-ламы (1617–1682), жизнеописание Далай-ламы Жалван Цаньян Жамцо, написанное бурятским дорамбо-ламой Анинского дацана Гэлэг Жамцо, жизнеописание двенадцатого Далай-ламы, написанное Агваном Доржиевым, и др. Известны рукописные жизнеописания Пандито Хамбо-лам²¹ Буддийского духовенства Восточной Сибири XVIII — начала XX вв. (1764–1930).

Существовал определенный канон в построении таких текстов, которого придерживались все авторы, пишущие в данном жанре. В основу бурят-монгольских *намтаров* заложены традиции средневековой индийской и тибетской агиографической литературы, тем более многие тексты этого жанра бурят-монгольскими книжниками были написаны на тибетском языке. Если обратиться к творчеству Агвана Доржиева, то он в первоначальном варианте свое произведение «Занимательные рассказы о кругосветном путешествии» (*Delekei-yi ergijü bitügsen domoy sonirqal-un biçig tedüi kemekü*

15 Нагарджуна — основоположник религиозно-философской школы «срединников» (мадхьямака) и всей Великой колесницы буддизма, Махаяны, которой следуют народы Центральной и Восточной Азии, из народов РФ — буряты, калмыки и тувинцы.

16 Падмасамбхава — индиец из Кашмира (VIII в.), родоначальник буддизма *ваджраяны* и школы *ньингма* в Тибете. Его *намтар* «Сказания Падмы» (*Падмакатан*) был написан в Тибете во второй половине XIV в.

17 Тилопа — мыслитель буддизма, великий и совершенный (*махасиддха*) индийский йогин, от которого ведет происхождение тибетская школа *кагью*.

18 Наропа — ученый и настоятель университета Наланда в Индии, тантрический мастер йоги, автор тридцати трудов Тенгьюра (Данджур), которые перевел на тибетский его ученик Марпа.

19 Лоцзава (тиб. *lo tsa ba*) — в переводе с тибетского означает «переводчик», Марпа-лоцзава — основоположник школы *кагью* тибетского буддизма. Жизненный и творческий путь Марпы-переводчика изложен в классическом труде в жанре *намтара* «Видение свершает все» тибетского автора Цанг Ньён Херука (1452–1507). См. об этом: [1].

20 Перу Цанг Ньён Херука принадлежат еще два труда, ставших образцово классическими: «Жизнь Миларепы», «Сто тысяч песен Миларепы» (1488), которые особо почитались в Бурят-Монголии.

21 Почетный титул главы буддистов в России, утвержденный указом Пограничной канцелярии от 22 июня 1764 г. за № 610, впоследствии был подтвержден императрицей Екатериной II.

oročiba)²² в жанре намтара написал в стихотворной форме на классическом монгольском языке в 1921 г. Затем появился второй вариант этого текста на тибетском языке, дополненный и расширенный. Стихотворный *намтар* Агвана Доржиева привлекает доверительностью тона и открытостью чувств. Автор довольно подробно и в то же время поэтично излагает свою жизнь, поддерживая интерес читателя применением различных художественно-образительных средств, не забывая о тридцати двух украшениях индо-тибетской поэтики.

Автобиография «Переправа через реку сансары» Агван Нимы, написанная в 80-х гг. XX в. в Швейцарии ученым-буддистом кенсуром (экс-Хамбо-ламой) Гоман дацана, представляет для нас особый научный интерес, ибо он внес в развитие агиографического жанра свой немалый вклад. Агван Нима — автор серьезных трудов по философии, а также жизнеописаний (*намтаров*) двухсот десяти ведущих деятелей буддизма Индии, Тибета и Монголии, которые вошли в шеститомное Полное собрание его сочинений, вышедших в Индии на тибетском языке.

Как характерную особенность творчества ученых-лам можно отметить их увлечение написанием художественных комментариев (начиная с XVIII в.) к теоретическим проблемам, выдвинутым в «Зеркале поэзии» (*Кавьядарше*) Дандина. Цель их состояла в том, чтобы создать свою теорию поэзии, или, как они называли ее, «благозвучной мелодии», и, соответственно, показать, как применять данную теорию в литературном произведении.

Из бурятских ученых лам и поэтов можно назвать Ринчена Номтоева (1820–1907)²³, который в написанном им двухтомном «Тибетско-мон-

22 XX Пандито Хамбо-лама Жимба-Жамсо Эрдынеев в Каталоге, составителем которого является, переводит данное произведение А. Доржиева так: «Радостное сказание об одном нищем монахе, одержимом злым духом восьми мирских Дхарм, скитающемся в бессмысленном мире, не имеющем драгоценности высшей Дхармы». А самого Агвана Доржиева представляет: «Его высочество Цаннид Хамбо Агван Доржиев, называемый Наивысшее украшение, Вагиндра — вершина божеств сансары и нирваны» [то, с. 159].

23 Приведем впечатления политического ссыльного М.А. Кроля, который был сослан в Бурят-Монголию и проживал в Селенгинске (ныне — пос. Новоселенгинск Республики Бурятия РФ) с 1890 по 1896 гг., от встречи с Ринчином Номтоевым, которую описал в книге «Страницы моей жизни», изданной в Нью-Йорке в 1944 г.: «Это был интеллигентный бурят, с которым я мог говорить свободно без помощи переводчика. <...> Старик семидесяти трех лет, Номтоев поражал своей подвижностью, огромной энергией и своим живым интересом к самым разнообразным научным, общественным и просто житейским вопросам. Когда он

гольском словаре» (*Түбэд — монгол толь*) приводит свои оригинальные стихотворные тексты. В своих стихах и поэмах он активно использовал, творчески перерабатывая, теорию «орнаментальной поэзии» Дандина. Известен труд Одсер гэбшэ-ламы из Агинского дацана «Мелодия Учения примера тридцати двух украшений», а также составленные им «Примеры тридцати двух украшений, называемых благозвучие Гандхарвов» [10, с. 162]. В художественных комментариях, разъясняя суть различных поэтических украшений и следуя за индо-тибетской художественной традицией, авторы были едины в том, что сущность истинной поэзии заключается в ее скрытом смысле.

В бурят-монгольской литературе XIX в. появляется жанр *субхашита* как результат взаимодействия с индо-тибетской литературой. Этот жанр дидактической поэзии представляет собой стихотворные произведения нравоучительного характера, заключающие в себе поэтические разъяснения положительных и отрицательных качеств людей, благих и неблагих путей их деятельности. В сочетании двух начал — светского и духовного — заключается своеобразие данного жанра. Он, как правило, состоит из четверостиший, две первые строки которого содержат тезис, а две последующие — поэтически оформленный пример.

Бурятские литераторы сначала активно переводят, начиная с XVII в., а затем с XIX в. пишут комментарии на известные тибетские и монгольские произведения в жанре субхашит. В частности, на «Букет белых лотосов» Соднам Дагбы и на «Каплю, питающую людей» Нагарджуны и «Сокровищницу благих речений» Сакья-пандиты написаны комментарии Г. Тугултуровым и Р. Номтоевым. Признано, что комментарии Ринчина Номтоева «Брызги рашияна» и «Драгоценный прекрасный сосуд» превосходят сво-

говорил, то тотчас же чувствовалось, что перед вами не только незаурядный, но необыкновенный человек. И его биография, как мне удалось узнать от моего переводчика Маланыча, тоже была биографией необыкновенного человека. <...> Прожил я у Номтоева целых три дня, а когда я собрался уехать, то он меня снабдил несколькими письмами к сведущим бурятам, которые впоследствии оказали мне очень важные услуги и во многом помогли моей работе. Простился я с Номтоевым так, точно я с ним был уже знаком много лет. Этот замечательный старик, действительно хорошо говоривший по-русски, дал мне очень много. Он нарисовал передо мною такую яркую картину современной ему жизни бурят, что она глубоко врезалась в мою память, и я был ему искренне благодарен за это» (см. об этом: [4]). Характеристика, данная М. Кролем Р. Номтоеву, подтверждает, что он был действительно художественно одаренным, талантливым человеком, творческой личностью.

их предшественников по количеству сюжетов, а главное — по филологической культуре и авторскому видению. Перу Р. Номтоева принадлежит также перевод с тибетского десятой главы философской поэмы Шантидевы «Путь бодхисаттвы» (*Бодхичарья-аватара*). Именно его перевод включил Б.Я. Владимирцов в свою книгу под одноименным названием, изданную в 1929 г. [8]. Наиболее ценны для нас написанные Р. Номтоевым оригинальные поэтические произведения в жанре субхашит. Известен его сборник субхашит «Пятьдесят строф, называемые “Расцветайте низшие”» (*Доордосад салбар нэрэту табин шилүг оршибай*), а также цикл субхашит, вошедший в его учебное пособие «Самоучитель и русская азбука для учеников монголо-бурятских», изданное в Казани в 1864 г. [11].

К наиболее известным на сегодня произведениям дидактической поэзии начала XX в. относится «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам» (*Хойор йосон-у абаху огуруху-йи үгүлэгчи билиг-ун толи хэмэгдэхү*) Эрдэни-Хайбзун Галшиева (1855–1915) [9]. Это произведение не было издано в дацанских типографиях, а было распространено в рукописных списках. Несомненно то, что это произведение имеет преемственную связь с нити-шастрами, что подчеркнуто автором в колофоне рукописи. Анализ «Зерцала мудрости» Эрдэни-Хайбзун Галшиева, проделанный нами [2], позволяет заключить, что в основу этого произведения заложены этические, морально-нравственные ценности буддийской культуры; что в этом произведении актуализируется проблема соотношения плана содержания и плана выражения. Эта герменевтическая проблема в данном произведении находит свое следующее разрешение: введение концепции двух смыслов — поверхностный, очевидный смысл и имплицитный, глубинный, истинный смысл. На уровне поверхностного смысла субхашиты Галшиева — это наставления, которым необходимо следовать в повседневной жизни, и именно в таком качестве они понимались и использовались мирянами. На уровне глубинного смысла каждый символ кодирует определенную концепцию, определенную категорию буддийской эстетико-философской системы.

Поэтический жанр восхваления (*магтала*) относится к наиболее любимым и распространенным. Кроме наиболее известных элементов индо-тибетской традиции восхвалений, проявляются и исконно национальные художественные методы. В них раскрывается внутренний мир человека,

воспеваются красота природы, даже городского пейзажа, которые сравниваются с райскими уголками страны небожителей. Как наиболее характерный пример, известный нам, содержащий элементы гимнической поэзии, можно привести философскую поэму Лубсан-Сандан Цыденова (1850–1922) «Лечу по небу» (Оутаруи-dur niyстүнem) [15], написанную в дни коронации Николая II в 1896 г. В частности, при изображении Москвы и Санкт-Петербурга автор, придерживаясь поэтической традиции буддийской классической литературы, сравнивает их с прекрасной небесной обителью Сукхавати, при этом использует богатые художественно-образительные средства, язык поэмы витиеват, для него характерна пышная патетика. В целом же поэма Цыденова представляет собой своеобразную притчу, полную метафор и гипербол, очевидна и ее символическая основа. В колофоне произведения автор пишет: «Под именем Сандан я известен немногим. Меня лучше знают под другими именами, например, как сибирского мастера поэзии Эгэшигту Сатва». Данное признание автора, на наш взгляд, свидетельствует о том, во-первых, что у ламы Цыденова было несколько псевдонимов, а во-вторых, это был довольно известный в монгольских литературных кругах бурятский поэт, пишущий в основном на тибетском.

Резюмируя, отметим, главной отличительной особенностью бурят-монгольской литературы XVIII – начала XX вв. является появление в ней профессиональных литераторов из числа буддийских лам и книжников. Ориентация в основном на агиографические, дидактические и панегирические жанры, а также на жанр путешествий / хождений была закономерной для литературы того времени, развивавшейся под глубинным влиянием философских воззрений буддизма в рамках индо-тибето-монгольской поэтической традиции. Творчество бурят-монгольских поэтов и писателей из среды буддийского духовенства явилось новой ступенью в развитии художественной словесности того периода, и их по праву можно отнести к числу основоположников бурят-монгольской литературы, заложивших фундаментальную основу для развития бурятской литературы XX и XXI вв.

Список литературы

Исследования

- 1 Андросов В.П., Леонтьева Е.В. Марпа и история Карма Кагью: «Жизнеописание Марпы-переводчика» в историческом контексте школы Кагью. М.: Алмазный путь, 2010. 512 с.
- 2 Балданмаксарова Е.Е. Жанры дидактической поэзии в бурятской литературе XIX — нач. XX вв. (на примере «Зерцала мудрости» Э.Х. Галшиева) // Балданмаксарова Е.Е. Бурятская поэзия XX века: истоки, поэтика жанров. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 135–165.
- 3 Болтач Ю.В. Два перевода отрывка из описания путешествия в Тибет I Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Заяева, хранящиеся в Архиве востоковедов ИВ РАН // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Четвертые Доржиевские чтения. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 218–226.
- 4 Жуковская Н.Л. Буддисты Бурятии глазами ссыльного народовольца Моисея Кроля (90-е гг. XIX в.) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Третьи Доржиевские чтения. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 283–291.
- 5 Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 236 с.

Источники

- 6 Агван Нима. Переправа через реку Сансары: Автобиография / пер. с тибетского на рус. яз. ламы Баира Очирова. Улан-Удэ: ЦДУБ, 1996. 40 с.
- 7 Бурятские летописи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. 197 с.
- 8 Владимирцов Б.Я. [Bibliotheca Buddhica XXVIII:] Bodhicaryāvatāra. Āntideva. Монгольский перевод Ṣhos-kyi ḥod-zer'a. I. текст / издал Б.Я. Владимирцов. Leningrad (Л.): Изд-во АН СССР, 1929. VI, 184 р.
- 9 Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости / вступ. ст., подгот. старомонг. текста, рус. пер. и примеч. Ц.-А. Дугарнимаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. 372 с.
- 10 Каталог некоторых сочинений и трактатов, написанных бурятскими ламами / сост. XX Пандито Хамбо-лама Жимба Жамсо Эрдынеев; пер. с тибетского геше рабжамбой Самдэном (Дашидондоков Самдан Сангажиевич) и Лубсан Тарламом (Шагдуров Чингис) // Чимитдоржин Д.Г. Пандито Хамбо-ламы. 1764–2010 / изд. перераб. и доп. Улан-Удэ: Печатный двор, 2010. С. 158–166.
- 11 Номтоев Р. Самоучитель и русская азбука для учеников монголо-бурятских. Казань: Универ. тип., 1864. 59 с.
- 12 Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания / предисл. Н.И. Веселовского. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1900. I–XVIII + 416 с.

- 13 *Сазыкин А.Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. XXVI. С. 117–124.
- 14 Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского База Бакши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями. Издан. Фак. Вост. языков СПб. университета. СПб., 1897. VIII + 260 с.
- 15 *Cydenov Lubsan Samdan* (sibirskii master poiezii Jegieshigtu Satva). Оүтарγуй-дур нийстүнөм // Damdinsürüng Чө. Mongγol uran jokiyal-un degeii iaγun bilig orošibai. Uлаγанбаγatur, 1959. P. 541–547. (на монгольском яз.)

References

- 1 Androsov, V.P., Leont'eva, E.V. *Marpa i istoriia Karma Kag'iu: "Zhizneopisanie Marpy-perevodchika" v istoricheskom kontekste shkoly Kag'iu* [*Marpa and the Karma Kagyu Story: The Life of Marpa the Translator in the Historical Context of the Kagyu School*]. Moscow, Almaznyi put' Publ., 2010. 512 p. (In Russ.)
- 2 Baldanmaksarova, E.E. "Zhanry didakticheskoi poezii v buriatskoi literature XIX – nach. XX vv. (na primere "Zertsala mudrosti" E.Kh. Galshieva)" ["The Genres of Didactic Poetry in the Buryat Literature of the 19th – Early 20th Centuries (on the Example of 'The Mirror of Wisdom' E-Kh. Galshiev)"]. Baldanmaksarova, E.E. *Buriatskaia poeziia 20th veka: istoki, poetika zhanrov* [*Buryat Poetry of the 20th Century: Origins and the Poetics of Genres*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2002, pp. 135–165. (In Russ.)
- 3 Boltach, Iu.V. "Dva perevoda otryvka iz opisaniia puteshestviia v Tibet I Pandito Khambo-lamy D.-D. Zaiaeva, khраниashchiesia v Arkhivе vostokovedov IV RAN" ["Two Translations of an Excerpt from the Description of the Journey to Tibet by I Pandito Hambo Lama D.-D. Zayayev, from the archives of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences"]. *Buddiiskaia kul'tura: istoriia, istochnikovedenie, iazykoznanie i iskusstvo: Chetvertye Dorzhievskie chteniia* [*Buddhist Culture: History, Source Study, Linguistics and Art: Fourth Dorzhiev Readings*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 218–226. (In Russ.)
- 4 Zhukovskaia, N.L. "Buddisty Buriatii glazami ssyl'nogo narodovol'tsa Moiseia Krolia (90-e gg. XIX v.)" ["Buddhists of Buryatia through the Eyes of Moisey Krol, the Exiled Member of Narodnaya Volya (the 1890s)"]. *Buddiiskaia kul'tura: istoriia, istochnikovedenie, iazykoznanie i iskusstvo: Tret'i Dorzhievskie chteniia* [*Buddhist Culture: History, Source Study, Linguistics, and Art: Third Dorzhiev Readings*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 283–291. (In Russ.)
- 5 *Lamaizm v Buriatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i sotsial'naiia rol' kul'tovoi sistemy* [*Lamaism in Buryatia in the 18th – Early 20th Centuries. The Structure and the Social Role of the Cult System*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 236 p. (In Russ.)